

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

В.В. Бочаров

РОДСТВО В ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ГОСУДАРСТВ*

Родство — базовый институт традиционного общества, определявший социальную структуру, правила и нормы поведения его членов. Это понятие социально-биологическое. Причем если на ранних стадиях общественной эволюции оно в большей степени имело социальный смысл, то в дальнейшем — биологический. Это так называемое кровное родство, приобретающее значение в период разложения первичной формации, изменений отношений собственности, и было обусловлено, как принято считать, стремлением передать ее своим биологическим потомкам. Сегодня именно кровное родство определяет правовые отношения, прежде всего в области наследования.

По одной из гипотез, первоначально родственниками считались все члены социума, занимавшиеся совместной хозяйственной деятельностью, отсюда «все члены древнего племени — родственники, все другие чужаки» [Мисюгин, Чернецов 1978: 166–169]. Можно сказать, что посредством родства оформлялась общность людей, внутри которой осуществлялись наиболее плотные социальные взаимодействия, регламентировавшиеся соответствующими взаимными обязательствами (обычно-правовыми нормами). На чужаков эти обязательства-нормы не распространялись. В отечественной традиции, сохранившейся до XX столетия, все жители деревни (поселения) носили одну фамилию и рассматривали себя в качестве родственников, хотя кровного родства между ними зачастую не было.

Родственники рассматривали себя как потомков реального или мифического предка. Например, предками клана могли считаться животное или растение. Порой же родственниками

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта № 12-01-00207 «Традиционализм и революционизм на Востоке».

считали себя коллективы, не имевшие общего предка: «Иначе говоря, члены рода у таких народов даже и не претендовали на родство в том смысле, который мы вкладываем в это понятие... Они просто верят в свое родство» [Семенов 1974: 152–153]. Словом, родство уже на ранних стадиях обладало всеми признаками социального конструкта.

Кровная мечь — обычно-правовой институт традиционного общества, во многом определявший правосознание людей и в эпоху феодализма и не утративший своего значения до настоящего времени. Сегодня бытование кровной мести относится не только к государствам Востока, включая высокоразвитые в экономическом отношении (например, Японию), но и к странам Европы. Становление института кровной мести отражало усиление принципа кровного родства в социально-хозяйственной деятельности «примитивных» обществ. Это выражалось в хозяйственном обособлении внутри социума коллективов, основанных на кровном родстве. Степень родства, выраженная в соответствующих терминах, определяла не только круг взаимных обязательств между ними, но и допустимое насилие по отношению друг к другу. У многих народов священное право мщения фигурирует в пословицах, поговорках, притчах, мифах. В арабском фольклоре кровь убитого превращается в птицу хамах. Птица все время кричит: «Дай мне напиться кровью моего убийцы». Только с осуществлением мести птица исчезает [Ковалевский 1886: 16]. На Кавказе в XIX в. подобного рода убийства не пытались скрывать, наоборот, стремились оповестить общественность, что мститель выполнил свой священный долг. Тайными убийства стали лишь тогда, когда были введены русские суды [Там же: 7–8].

В результате традиции кровомщения могли истребляться целые родственные коллективы, т.к. мстили не только преступнику, но и всей группе. При невозможности найти виновника злодеяния привлекали к ответственности любого из его родственников, включая малолетних детей [Там же: 24]. Стремление избежать полного истребления родов в ходе кровной мести, обязанность которой передавалась из поколения в поколение, способствовало формированию норм, ограничивающих мечь. В их основе лежал принцип равного возмездия (принцип талиона). Из древних кодексов он впервые встречается в древнееврейском и мусульманском праве. В законах Моисея этот принцип звучит так: «жизнь за жизнь, око за око,

зуб за зуб, рана за рану, удар ремнем за удар». По мнению некоторых ученых, именно формирование принципа равного возмездия сопровождается становлением понятия справедливости, которое является фундаментальным для правосознания представителей любой культуры.

Кровная мсть в современных обществах. Институт кровной мести сохраняется в современных обществах как в европейских странах (в частности, в Греции, Албании, Сербии, Италии, на Корсике), так и в странах Востока. Убийства по мотиву кровной мести встречаются, например, в Японии [Зюков 2009: 20]. На постсоветском пространстве институт кровной мести бытует в Туркмении, Таджикистане, Киргизии, Казахстане, Азербайджане, Грузии, Абхазии. На территории России — преимущественно среди народов Северного Кавказа в Адыгее, Дагестане, Чечне, Ингушетии, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, Северной Осетии [Диасамидзе 1974]. В современном Афганистане «кодекс чести» пуштунов («пуштун валий») сохраняет норму мести («бедал хистел») по принципу «око за око, зуб за зуб, кровь за кровь». И сегодня небольшая ссора из-за участка земли или нарушение очередности при поливе полей превращается в кровавое побоище. Иногда для примирения отдают несколько девушек-невест или девушек-подростков в качестве «платы за мир». Этот обычай требует компенсацию — услугу за услугу (помощь, угощение и т.д.).

Нередко институт кровной мести используется политиками в борьбе за власть, в частности для мобилизации своих сторонников. Об одном таком случае, имевшем место в Африке в конце 70-х гг. прошлого века, рассказал советский журналист, много писавший о странах Африки. Один из пленников, принадлежащий к УНИТА — организации, в течение десятилетий ведшей войну с армией законного правительства Анголы, рассказал, как его командиры использовали обряд «нкиапо» — традиционный способ установления кровной вражды. Он заключался в ритуальном поедании будущими воинами плода беременной женщины, принадлежащей к вражескому стану, убитой специально для этой цели. По словам пленного, подобный ритуал был совершен над беременной женой комиссара МПЛА (правящей партии Анголы) [Кулик 1983: 37]. О кровной мести в современном Йемене пишет местный автор [Абдул Кави Юсеф 2010: 95–110].

Кровная месть на Кавказе. По советскому праву кровная месть относилась к преступлениям, составляющим пережитки местных обычаев, сохранявшихся у некоторых народов Кавказа, Средней Азии и др. (см. УК РСФСР, ст. 102, 231), и преследовалась уголовным законодательством ряда союзных республик. Однако *de facto* она существовала, но не обязательно в виде убийства, а часто в виде платы — откупа. Это отмечалось исследователями: «В современных условиях таковая («плата за кровь». — *В.Б.*) связывается с гибелью или увечьем по чьей-либо вине. “Цена крови” определяется стариками, и виновный (или его родственник) передает ее в денежном выражении в семью пострадавшего» [Панеш 1995: 13].

После развала СССР институт кровной мести, с которым, как было принято считать, было покончено в конце 30-х гг., заявил о себе с новой силой. Приведу факты, относящиеся уже к постсоветской Абхазии. В 1999 г. отец сам убил сына-наильника: «Он (сын. — *В.Б.*) попросил куда-нибудь увести и спрятать его. Но я не мог рисковать жизнью всей моей семьи ради одного сына, который к тому же перестал быть человеком. Когда все выяснилось бы, родные Ирмы (убитой насильником-сыном. — *В.Б.*) наверняка стали бы мстить». Суд оправдал отца, т.к. посчитал, что его преступление было совершено в состоянии аффекта. Это показывает, что обычно-правовая норма на деле имеет приоритет над писанным законом [Виноградова 2000].

Даже если преступник-наильник задерживался властями, расплата наступала по обычному праву, а не по закону. «Узнав о задержании преступника, Зураб Барциц (отец пострадавшей) пришел в милицию и прямо сказал: “Когда вы привезете этого ублюдка, я буду встречать вас с автоматом. И если увижу, что выходит из машины живым, открою огонь. Я убью каждого, кто станет у меня на пути и помешает прикончить этого скота”. Дмитрия (преступника. — *В.Б.*) привезли мертвым. Милиционеры сообщили общественности, что он был застрелен при “попытке к бегству”. Десятью выстрелами в грудь» [Там же].

Интересна и реакция высокопоставленного представителя правоохранительных органов Абхазии: «Закон не признает мести насильникам — это правильно. Но разве можно судить людей, которые уничтожают подонков?» [Там же].

В Чеченской Республике (Ичкерии) в 1996 г. был принят собственный Уголовный кодекс, по которому шариатский суд, рассмотрев уголовное деяние, совершенное на почве кровной

мести, выносил решение о выдаче осужденного родственникам убитого в соответствии с законом мусульман.

Сегодня законодательные органы РФ находятся в поиске решений по данной проблеме. Так, в 2007 г. на заседании комитета Совета Федерации по конституционному законодательству обсуждался законопроект «О примирительной процедуре с участием посредника (медиации)». На территории Чеченской Республики создаются комиссии с целью примирения кровников. Их надлежало создать главам администраций всех городов, районов и населенных пунктов Чечни. Как сообщается, в результате работы комиссий удалось выявить 90 случаев кровной вражды, примирить 60 семей. В священный для мусульман месяц Рамадан муфтии и кадии «просили граждан простить своих кровников во имя Аллаха и его посланника». На мировую пошли даже те семьи, которые находились в состоянии конфликта 40 и даже 50 лет. Деятельность комиссии признана успешной [Созаев-Гурьев 2010].

В настоящее время наблюдается трансформация обычно-правовой нормы кровной мести. К примеру, теперь кровомщение распространяется и на лиц, сотрудничающих с правоохранительными органами и свидетельствующих против преступников, в частности против участников организованных преступных групп или отказавших в предоставлении помощи преступной группировке, выплате «дани» и т.п. [Зюков 2009: 20]. Исследования преступности в Дагестане подтверждают, что причина действия норм кровной мести в том, что наказание по закону за преступления, требующего по обычному праву иного возмездия, не рассматривается общественным мнением как легитимное. В результате преступника, понесшего наказание по закону, по возвращении ждет новое — по обычному праву: «Довольно часто имеют место факты, когда отдельные представители дагестанского этноса, осужденные за преступления против личности, освободившись после 15–20, а то и более лет лишения свободы, оказывались убитыми своими кровниками. Нередко месть кровников проникает и сквозь затворы уголовно-исполнительной системы. Таким образом, главная цель уголовного законодательства Российской Федерации — восстановление справедливости — не достигается» [Там же: 160].

Поэтому из уст высокопоставленных местных чиновников периодически звучат предложения о легализации кровной мести в той или иной форме. Бывший президент Ингушетии

Р. Аушев в конце 90-х гг. активно выступал за узаконение кровной мести. Однако эта инициатива не имела продолжения, а президент вскоре лишился своего поста. 16 августа 2009 г. РИА Новости сообщало, что чиновник высокого уровня Дагестана предложил в связи с убийством министра данной республики, которое произошло в этом же году, создавать отряды кровников, которые бы занимались мщением, обнаруживая и уничтожая преступников-убийц.

Совсем недавний пример кровной мести, получивший международную огласку, — убийство осетином Виталием Калоевым авиадиспетчера швейцарской компании в Цюрихе, по чьей вине потерпел катастрофу над Боденским озером российский самолет. В этой авиакатастрофе Калоев потерял всю семью (жену и двоих детей). По швейцарским законам Виталий Калоев был признан виновным и приговорен к восьми годам заключения. Однако спустя два года он был освобожден решением суда «за примерное поведение по отбытии части срока». Вернувшись на родину, в Северную Осетию, Калоев был встречен как герой и вскоре назначен заместителем министра строительства и архитектуры республики.

«Родство» в экономических практиках Востока. Отношения родства, обеспечивавшие устойчивость человеческих коллективов в традиционном обществе, выполняют в той или иной форме ту же функцию и сегодня. Люди, сплоченные родством, активно действуют во многих сферах жизнедеятельности современного общества, порождая такие явления, как трайбализм, nepoтизм (кумовство), а в конечном счете коррупцию, которая на Востоке обрела громадные масштабы. Например, в современном экономическом опыте Китая специалисты видят возврат к «тысячелетнему опыту», поскольку в сельском хозяйстве и легкой промышленности предпочтение отдается именно семейным (а фактически — клановым) предприятиям [Сусоколов 2006: 146–147].

Аналогичные выводы делают исследователи на материале Индии: «При более пристальном рассмотрении выявляется, что многие ассоциации представляют собой плотные сети, отвечающие интересам каст, и строятся на принципах родства. Институты родства получают новую экономическую роль» [Харрисс-Уайт 1999: 445].

Эти же отношения формируют базис так называемой неформальной экономики (НЭ), которая составляет подчас доминирующую часть экономики.

нирующий сектор в экономике развивающихся стран. Э. де Сото, изучив ситуацию в Перу, заключает: «Семью, объединявшую разные поколения родственников, в городах заменили сети коммерческих или производственных отношений: совместное участие в бизнесе “дядей” и “кузенов” — сейчас обычное дело... человек, впервые приехавший в город, вскоре начинает понимать, что никто, кроме родственников или земляков, не намерен входить с ним в отношения. Из наших опросов следует, что лучше всего идут дела у тех мигрантов, кто нашел влиятельных родственников в Лиме. Требуется достаточно времени и ресурсов, чтобы создать и поддерживать широкую сеть друзей, “дядюшек” и “кузенов”, и это сдерживает развитие широкого эффективного рынка» [Сото 1995: 176].

Подобная система, как выясняется, в известной мере предоставляет гарантии при ведении бизнеса. Например, субъекты неформальных рыночных отношений, пострадавшие от недобросовестности партнеров, обращаются к *его семьям, родственникам* в надежде, что групповое давление принудит виновного компенсировать нанесенный ущерб. Иными словами, они апеллируют к обычному праву, субъектом которого является социально-родственный коллектив, который всегда может принудить сородича исполнить свои обязательства перед ними. От этого зависит репутация данной группы в бизнес-сообществе. Репутация же имеет в условиях НЭ решающее значение, поскольку «хорошая репутация субъекта экономической деятельности облегчает получение нелегальных кредитов, что открывает возможности для расширения коммерческих операций. Она же гарантирует соблюдение нелегальных контрактов, т.к. в противном случае это скажется на репутации субъекта нелегальной деятельности» [Харрисс-Уайт 1999: 444]. В свою очередь репутация индивида зависит от принадлежности актора к «определенной семье, касте, общине». Причем приоритет родства подчас выше, нежели деловые интересы: «Люди скорее возьмут кредиты на кабальных для себя условиях, чем допустят ситуацию, которая бы отразилась на их репутации, а в дальнейшем на их детях и семье» [Там же].

Порой же общественные структуры, основанные на родстве, создают серьезные препятствия для развития рыночной экономики. Хорошо известны примеры из африканской действительности, когда преуспевшие бизнесмены стараются скрыться от своих родственников, вплоть до отбытия в другие страны, т.к. в против-

ном случае вынуждены принимать многочисленную родню (соплеменников), которые рассчитывают на их содействие. Это явление, конечно, имеет и обратную сторону, т.к. в случае полного краха, что случается с бизнесменами не так уж и редко, они всегда могут рассчитывать на помощь родственников.

Трайбализм и непотизм в политике. Большие коллективы, объединенные идеей родства, являются важными игроками на политических сценах многих современных государств Востока. Политические лидеры, идентифицирующие себя с ними, апеллируют к их членам, используя традиционные отношения взаимных обязательств между родственниками. Это делает подобные коллективы весьма конкурентоспособными в борьбе за политическую власть. В результате возникают современные по форме партии и движения, организованные по модели западной политической культуры, состоящие на самом деле из соплеменников или членов этнорегиональных групп. Политическая борьба между подобными структурами зачастую уходит корнями в традиционную вражду между соответствующими социально-родственными коллективами (племенами), характерную для более ранних эпох. В случае прихода к власти, лидеры формируют государственные управленческие структуры из членов своих «партий», уповая в первую очередь не на профессиональную пригодность, а на лояльность и родственную солидарность, укорененную в обычно-правовой ментальности. Такое явление получило название *трайбализма* (от *англ.* *tribe* — ‘племя’). Первоначально данный феномен отождествлялся с Африкой, хотя на самом деле он широко распространен по всему Востоку.

Трайбализм был широко представлен в кавказских и среднеазиатских республиках СССР, хотя его исследования, по известным причинам, практически отсутствуют. Например, в Адыгее «представители этноплеменной группы бжедуггов занимали все посты в административном аппарате. При этом создавались условия, при которых проникновение представителей других племенных подразделений как в партийный аппарат, так и на хозяйственно-административные должности практически исключалось». По мнению исследователя-очевидца, именно «племенное сознание играло первостепенную роль в формировании политической структуры данного региона. Причем внутри этого “клана” имитировались кровнородственные отношения, в частности, за счет символической экзогамии, так как браки заключались преимущественно с русскими» [Панеш 1995: 13–15, 31].

После распада СССР трайбализм в бывших среднеазиатских и кавказских республиках стал еще более очевидным. В Казахстане, например, по мнению экспертов, создалось положение, когда «под гром деклараций о построении демократии в стране укореняется этнополитическая структура, основанная на иерархическом племенном делении... Действия большей части казахской политической элиты, особенно в кадровой политике, подсознательно определяются принципом жузовой (племенной. — В.Б.) солидарности. Тем самым, трайбализм, хотя и неофициально, положен в основу государственного существования Казахстана» [Гусев 2005].

Трайбализм имеет долгие традиции в Кыргызстане. «Первые годы советской власти ознаменовались групповой борьбой за руководящие посты в партийно-государственном аппарате, внесением в него традиций... былого родового противоборства за скот и пастбища. Ожесточенная родовая борьба стала повседневностью в кампаниях по выборам партийных и советских органов и проходила под лозунгом “Власть своему”. Феномен трайбализма проявил себя в полной мере и в процессе коллективизации сельского хозяйства. Он принял форму создания колхозов по родовому принципу, причем такие колхозы просуществовали до крушения колхозной системы» [Омаров 2007].

И сегодня этот лозунг продолжает оставаться элементом реальной политики во время выборов, и в первую очередь президента. Традиция ответственности рода за своих членов продолжает существовать. «Известны случаи, когда растрата, совершенная каким-нибудь проворовавшимся торговым “деятелем” или чиновником, покрывалась за счет средств родственников и сородичей... Кандидаты в депутаты всех уровней и на другие выборные должности выдвигаются только у себя на малой родине, т.е. среди сородичей и соплеменников, и после избрания продолжают опираться на их поддержку» [Там же].

Парадоксально, но сегодня влияние трайбализма и клановости характерно не только для сельчан, оно возросло также и в городах. Причина, видимо, в «массовой внутренней миграции, когда в города вместе с людьми были перенесены и клановые взаимоотношения. Они, в свою очередь, оказывают сильное воздействие и на образованную часть общества, из которой комплекуются органы управления страной» [Там же].

По мнению эксперта, практически любой кыргыз, даже если он является горожанином со стажем, имеет высшее образова-

ние, в том числе и полученное за границей, сознательно или бессознательно чувствует себя членом определенного племени и рода. «Любой министр или чиновник всегда старается сохранить связи со своим племенем и родом, находя у них поддержку и в то же время поддерживая их. Не является исключением и глава государства». Словом, «...вся система властных отношений... вся пирамида власти функционирует за счет вовлечения в нее родственников и земляков» [Там же].

Причиной революций в Кыргызстане (2005, 2009 гг.) является несправедливое, с точки зрения населения, распределение властных полномочий в центральных органах управления между северными и южными «племенными» группами. В сегодняшнем обществе, как утверждается, трайбализм мимикрирует, рядится в демократические одежды, активно влияя на политические процессы, происходящие в стране. «Трайбализм с “демократическим” лицом стал реальностью в политике Кыргызстана и в силу того, что в его обществе лишь тонкая прослойка интеллигенции понимает и разделяет взгляды западной либеральной идеологии. В роли же основной массы акторов политической жизни выступает носительница трайбализма и клановости мононациональная сельская община страны, поскольку другие этнические группы в ней практически никакого участия не принимают» [Там же].

В современном Таджикистане стабильность также «держится на хрупком контракте, заключенном между обитателями цитадели в Душанбе и ее однородным квази-кровнородственным составом... Махалгарои — это таджикский вариант местничества с элементами трайбализма... Размежевание в обществе проходит не по политическому (левые — правые, коммунисты — исламисты и т.д.), а по этнорегиональному признаку. Это значит, что мулла или коммунист района “А” не окажут поддержки мулле или коммунисту района “Б”. Скорее мулла сговорится с коммунистом из своего района. Точно так же и таджикский филолог, спустившийся некогда (давным-давно, сам не помнит когда!) в Душанбе из района с преобладанием холмистой местности, проголосует на выборах в Академию против своего коллеги не потому, что тот не разбирается в филологии, а потому, что имел несчастье спуститься в столицу с противоположной стороны... Провинциальный историк, сидя в Душанбе, прежде чем давать оценку тому или иному деятелю прошлого, вначале поинтересуется, из каких краев он родом?

Тому, кто из неправильного района, может не повезти! Таджикская история богата, на всех компромат найдется. Вот и получается, что коммунисты, исламисты, филологи и историки из холмистого района собьются в одну кучу, а их квазиколлеги и квазидрузья из партии из кочковатого района образуют “свою группу солидарности”» [Абдуллаев 2009].

Близки трайбализму *непотизм, или кумовство*. Эти два термина употребляются сегодня в качестве синонимов и означают служебное покровительство родственникам, близким и друзьям, предоставляемое должностным лицом в ущерб делу. Иногда термины используются наравне с понятием «трайбализм», но чаще всего имеется в виду именно расстановка на руководящие должности своих родственников, друзей, земляков. Практически повсеместно это официально осуждается, а обвинение в непотизме (кумовстве) действующей власти со стороны оппозиции (демократической или вооруженной) — характерная черта политических культур государств Востока. Однако при любой форме смены власти данное явление воспроизводится вновь и вновь. Это закономерно. Если в обществе, состоящем из социально-родственных коллективов (родов, кланов, племен и т.д.), в которых люди объединены плотной сетью взаимных обязательств, лидер при расстановке кадров будет ориентироваться не на «своих», а привлечь «чужих», то это обернется тем, что «чужие» «перетянут одеяло» на свою родню. В результате и дело не выиграет, и можно испортить отношения со своей родней, которая в подобных условиях является практически единственной социальной опорой.

Действительно, для традиционного общества, состоявшего из социально-родственных коллективов различных уровней, невыполнение своих обязательств перед сородичами — тяжкое преступление. Поэтому уже при зарождении государственной организации возникали элементы управления, призванные действовать в интересах всех, а не только сородичей. Например, избрание вождей зачастую проводилось через ритуалы, символически как бы отсекавшие лидеров от своих родственных групп, что делало их независимыми, способными действовать в интересах всех, а не только своих кланов. В частности, в процессе коронации они обязаны были либо вступать в инцестуозную связь, как правило, прилюдно, либо даже убивать своих ближайших родственников.

Дружины также набирались преимущественно из людей «без роду и племени», что давало возможность правителям применять насилие и по отношению к «своим». В то же время необходимость укрепления властной вертикали определила в качестве ведущего принципа иерархического соподчинения личную преданность. Действительно, вертикаль вождя, ориентированная в первую очередь на служение интересам дружины, в известной степени противостояла социуму, в котором родственные группирования (кланы) преследовали свои интересы. Преданность же достигалась либо за счет привлечения на нижестоящие должности (субвождей) младших родственников «начальника», обязанных ему подчиняться в соответствии с прежней традицией, либо «чужаков», людей «без роду и племени», которые в условиях традиционного общества были обязаны вождю самим фактом своего существования. Поэтому из них формировалась преимущественно и дружина, что давало возможность осуществлять властные полномочия в интересах вожества.

Собственно, схожие проблемы встают перед лидером любого восточного государства. В отсутствие рыночной экономики единственным интегрирующим началом государства является властная административно-бюрократическая вертикаль, по-прежнему противостоящая социально-родственным (племенным) группированиям, организующим подавляющее большинство населения. Поэтому следование западным принципам действия государственной машины (что всегда декларируется) на деле грозит целостности страны. Ориентация же на «своих» влечет обвинения со стороны оппозиции в «непотизме» и «кумовстве». Почти каждая смена власти в данных странах сопровождается подобными обвинениями, и именно поэтому каждая новая власть снова прибегает к тем же приемам.

Сегодня налицо стремление некоторых национальных лидеров официально отойти от западного «эталона» при формировании госаппарата. Показательная в этом смысле статья директора центра стратегических исследований при президенте Республики Таджикистан. В ней, в частности, говорится: «Президент Таджикистана имеет полное право назначать на руководящие посты своих родственников и друзей, если они имеют нужное образование и соответствуют всем критериям... Дети президента, как и дети любого другого гражданина республики, обязаны адаптироваться в обществе и определиться, где они будут работать, на

что имеют полное право... В Таджикистане родственные связи всегда использовались и будут использоваться. У нас такой менталитет, что родственники стараются держаться вместе, ближе друг к другу. Родственные связи будут использоваться у нас всегда и всеми, несмотря на то, кто находится у руля власти. Подтверждением тому могут быть и наши политические партии. Например, в Партии исламского возрождения Таджикистана (ПИВТ) руководящие посты занимают брат нынешнего председателя Мухиддина Кабири и сын бывшего лидера ПИВТ Саида Абдулло Нури. Но никто не говорит, что эта партия — партия родственников...» [Чоршанбиев 2010]. Далее автор аргументирует это объективной закономерностью, приводя сравнительные материалы. Такое положение дел характерно «для всех государств Центральной Азии, а также большинства государств мира, кроме некоторых западноевропейских стран, где большие демографические проблемы, а родственники отдалены друг от друга. Например, бывшего президента Кыргызстана Аскара Акаева в свое время обвинили в назначении родственников на высокие государственные посты, из-за чего его сместили. Сегодня в тех же злоупотреблениях властью кыргызская оппозиция обвиняет уже президента Курманбека Бакиева, сторонники которого в 2005 г. такие же обвинения выдвинули против Акаева. И руководители временного кыргызского правительства тоже начали раздавать высокие государственные посты своим родственникам и друзьям» [Там же].

В общем, страны Востока в известной мере находятся в тупиковой ситуации. С одной стороны, отказ от nepотизма/кумовства чреват социальной нестабильностью, ослаблением управляемости государством и, в конечном счете, распадом. С другой — в результате его официального признания страна может быть причислена мировым сообществом к разряду «нецивилизованных», что негативно скажется на экономическом взаимодействии с Западом, поддержке со стороны международных финансовых институтов. Тем более в последнее десятилетие «цивилизованный мир» отчетливо продемонстрировал готовность бороться с «деспотиями» методами прямого насилия.

Кумовство в России: история и современность. До революционных событий 1917 г. властная «вертикаль» в России формировалась по принципам, характерным для стран Востока. Бюрократия имперского аппарата была пронизана родственными связями. Бывший народник писал о провинциаль-

ных аппаратах: «Чувствовалась особая интимность и подразумевалась связанность, близкое знакомство, когда петербургских чиновников часто называли (по имени и отчеству. — В.Б.). И была полная осведомленность. Знали, кто на ком женат, кто за кого держится. У каждого чиновника, связанного с Петербургом, были там дядюшки и тетушки, кузины и кузены, товарищи по корпусу, по полку, по департаменту, покровители и покровительницы, и письма из Петербурга были поводом к экстренным визитам и интимным вечерам... И жизнь этого круга была сколком с Петербурга» [Елпатьевский 1984: 81–82].

Он же описывает картину рекрутирования чиновников в штат крупной компании, дающую представление о масштабах кумовства, охватывавшего все сферы деятельности в государстве: «Случайно мне пришлось наблюдать, как подбирается штат служащих. По возвращении из Сибири, в Нижнем Новгороде мне пришлось во время ярмарки жить в одной из ярмарочных гостиниц. В то же коридоре... жил один из братьев Гадаловых, приехавший на ярмарку за товарами и, как скоро оказалось, за людьми. Как-то утром в коридоре послышался большой шум. Широкий коридор был полон крестьянами и подростками приблизительно по 8–12 лет. И взрослые, и дети явились в нарядном виде, в чистых поддевках, в блестящих сапогах-бутылках, с густо намасленными коровьим маслом и аккуратным прямым пробором расчесанными волосами. Родители-владимирцы привели своих сыновей, чтобы отдать их на службу Гадаловым. И я видел, как вышел в халате не совсем отоспавшийся Гадалов и начал осматривать детей. Было очевидно, и так мне рассказывал потом официант, что все явившиеся были из одной округи, если не из одной волости, из той, из которой вышли и сами Гадаловы. Отцы наперебой доказывали переходившему от группы к группе Гадалову их деревенскую связанность, родство и свойство с Гадаловым. Слышалось: “Тянька ваш... Еще родитель ваш... Как же кума мне приходится...” Отобранных детей прямо с ярмарки отправили под надзором гадаловского приказчика в Красноярск. И вот из детей этих родственников, свойственников, кумовьев, однодеревенцев по прохождении обычного курса «мальчиками» при лавке или конторе формировался штат служащих в многочисленных гадаловских предприятиях — и приказчиков, и счетоводов, и капитанов, и машинистов» [Там же: 174–175]. Ситуация, характерная для того времени, была прекрасно описана в русской

литературной классике. Как говорил Фамусов у Грибоедова («Горе от ума»): «При мне служащие чужие очень редки. Все больше сестрины, свояченицы детки...».

Борьба с «кумовством» активно велась коммунистами в сталинскую эпоху. Сам «вождь» своим поведением символизировал отрицание семейственности. Сталин по существующей мифологии «убил» собственного сына (отказавшись обменять его на немецкого фельдмаршала, также попавшего в плен), произнеся при этом, согласно легенде, знаменитую фразу: «Я солдата на генерала не меняю». Репрессивная политика, как известно, проводилась и в отношении ближайших родственников окружения Сталина. В этом смысле он воспроизводил поведение упоминавшегося выше лидера вождества, который совершал ритуальные действия, включая убийство близких родственников, что символически отторгало его от собственного клана. Это позволяло ему управлять в интересах всего социума, а не только своих сородичей.

Лозунг «кадры решают все» служил руководством к деятельности ЦК (КПСС. — В.Б.) по совершенствованию бюрократической машины. Ставилась задача подбирать кадры «по их действительному качеству, не допуская кумовства, протекции, подхалимства и т.п.» [Каганович 2003]. Подобная политика была продиктована задачей в кратчайшие сроки изменить облик страны, превратить из аграрной в промышленно-индустриальную. Ее решение осуществлялось исключительно административными методами, а значит, успех зависел от способности «вертикали» мобилизовать все имеющиеся ресурсы. Сама ситуация, таким образом, выдвинула потребность отбора кадров на государственную службу «по способностям» в качестве главного принципа. Задача, как известно, была решена, хотя сопровождалась многочисленными жертвами.

В последующие годы, когда советская система вышла из экстремального режима существования, главный принцип формирования «вертикали», в соответствии с которым «чужие здесь не ходят», вновь возобладал. Это стало очевидно в эпоху «застоя». И здесь верховный правитель задавал тон. Ближайшие родственники и свойственники Л.И. Брежнева назначались на высшие государственные должности: его зять Ю. Чурбанов занимал пост замминистра внутренних дел СССР, сын — замминистра внешней торговли. «Протекционизм и кумовство проникли в самые высокие инстанции. Брежнев назначал

на высокие посты своих друзей, лично преданных клеветов и родственников. Эта порочная практика дублировалась на местах, многократно разрастаясь и усиливаясь. Кунаев в Казахстане, Алиев в Азербайджане, Рашидов в Узбекистане, Мжаванадзе в Грузии, Шакиров в Башкирии, Бодюл в Молдавии, Медунов в Краснодарском крае и другие допустили значительные извращения кадровой политики и личные злоупотребления властью» [Баранов 2004]. «Традиционализация» определяла жизненный уклад самого генсека, разительно отличавшийся от сталинского. Вот как его описывает очевидец: «Представьте — большой, длинный стол, уставленный яствами. Во главе стола — Витя (жена Брежнева. — *В.Б.*), слева от нее — Леня. По ее сторону сидят ее родственники, по его сторону — его родственники. Как по ранжиру... Виктория Петровна заботилась не только о своих детях, но и о племянниках и племянницах... Когда он (Брежнев. — *В.Б.*) ехал в отпуск, с ними отправлялся целый семейный клан: племянники, жены братьев. Он любил семейный круг» [Васильева 1992: 458–476].

Невестка Брежнева вспоминала: «Когда мы с Юрием Леонидовичем (сыном Брежнева. — *В.Б.*) поженились... Леонид Ильич требовал, чтобы я называла обоих “мама” и “папа”. А я сначала не могла — свои родители живы. Л.И. однажды говорит при мне Виктории Петровне: “Витя, а Витя, а ведь наша сноха нас не уважает”. — “Почему?” — «Не хочет “мамой” и “папой” назвать». Стала называть... Однако у Л.И., и у Виктории Петровны много сестёр и братьев, а у тех, в свою очередь, жёны, мужья, дети, внуки, зятья, невестки. В результате сложился огромный семейный клан, всегда остро нуждающийся в помощи и поддержке... Он разделялся изнутри, и отношения внутри клана были сложные. Деление происходило естественное: на родственников Л.И. и родственников В.П. Покорная мужу во многих отношениях, супруга крепко держала оборону своего семейного отделения внутри общепрежневского клана, четко следя, чтобы родственники с его стороны не обошли в привилегиях родственников с ее стороны» [Там же].

В эпоху Б.Н. Ельцина слово «семья» получило в политическом дискурсе нарицательное значение. Оно связывалось с привилегиями, которые имели родственники и близкие друзья президента при назначении на государственные посты.

С приходом Путина подбор кадров осуществлялся по принципу «землячества». «Семью» и «свердловских» (земляков Ель-

цина) сменила команда «питерских», а также его сослуживцев по КГБ. Практически произошел официальный отказ от нормы, зафиксированной в Законе о государственной службе (2005), которая запрещает работать вместе близким родственникам, если они подчинены или подконтрольны друг другу. Когда в 2007 г. В. Зубков возглавил российское правительство, бывший министр обороны А. Сердюков подал президенту рапорт об отставке на том основании, что он является зятем премьера. Тем не менее «совмещение» было санкционировано сверху. Любопытно, что известная передача высшей государственной власти «преемнику» трактовалась в терминах монархической преемственности. По свидетельствам информантов и СМИ, в ближнем кругу президента (Путина) называли «папой», избранный же президент (Медведев) именовался «сыном».

С развитием в России рыночных отношений родственные и дружеские связи стали определяющими в частных фирмах и предприятиях. Сегодня в России, по экспертным оценкам, в некоторых отраслях малого и среднего бизнеса до 80 % компаний являются семейными. «Семейных коллективов» достаточно и в крупных компаниях — там, где возможность пополнения штата путем найма родственников и знакомых крайне высока [Родственники 2003]. Действительно, рост семейственности в частном секторе вполне объясним, т.к. главная цель подобных предприятий — выжить в конкурентной борьбе, что требует высокой степени корпоративности коллектива, однако вряд ли при этом бездарному родственнику будет отдано предпочтение при назначении на значимые позиции перед талантливым «чужаком».

Исходя из новых реалий, из Трудового кодекса РФ исчез запрет, установленный ст. 20 КЗоТ РФ, об ограничении совместной службы на одном и том же предприятии лиц, состоящих между собой в близком родстве или свойстве, если их служба связана с непосредственной подчиненностью или подконтрольностью одного другому. В результате после 2002 г., когда новое трудовое законодательство вступило в силу, резко возросло «кумовство» на государственных предприятиях, в том числе и в тех областях, которые призваны обеспечить модернизацию государства. Именно здесь, казалось бы, приоритет должен быть за талантливыми, нестандартно мыслящими людьми. В том числе, это вузовская и академическая наука. Институт выборности руководителей, который сохраняется до сих пор в этой сфере, вроде бы должен способствовать этому. На самом же деле

мы имеем обратный результат. «Начальники» здесь избираются небольшими по численности коллективами (или учеными советами), поэтому они заранее формируют «команды» на принципах родства, свойства, дружбы и землячества, т.к. это гарантирует им переизбрание на следующий срок. Словом, «архаические» принципы социальной мобильности, в основе которых лежат связи по родству, обрели новое дыхание [Бочаров 2008: 7–12].

Эта тема, к сожалению, специально не изучается. Поэтому о масштабах кумовства в современной России приходится судить, исходя из наблюдений частных лиц. Интересные данные на этот счет приводит известный кинорежиссер А. Кончаловский: «Позвонил знакомый моих родственников с юга России и попросил об одолжении: помочь его сыну — талантливому молодому специалисту — устроиться в местное Таможенное управление. Я, будучи расположенным к этому знакомому, дал слово помочь. Но какое отношение я, кинорежиссер, имею к Таможенному управлению на юге России? Никакого. Однако я знаю людей, которые знают еще пару нужных людей, которые уж точно имеют к таможенному делу прямое отношение. Правда, как я ни старался “зажать в угол” того или иного крупного чиновника, у меня почему-то не получалось: видимо, все места в этом управлении были заняты “своими”» [Кончаловский 2008]. Он также ссылается на своего друга, «с горечью» констатировавшего: «Я окончил с отличием Академию МВД в числе самых успешных выпускников. Ну и что? Из нашего выпуска во власть были допущены только те, кто имел “руку”. Но ни один, НИ ОДИН из моих друзей, блестящих, молодых, полных энтузиазма, туда не попал...» [Там же]. Много сведений о проявлении «кумовства» на местах содержится на сайтах в Интернете (см., например: [В администрации 2010]). Ситуация мало чем отличается и в странах СНГ. Например, на Украине: «По меньшей мере 40 человек из ближайшего окружения президента Виктора Януковича — прямая родня, братья, сёстры, дети, родители, кумовья — занимают разные должности в государственных органах власти» [Партия регионов 2010].

Итак, феномен родства возникает на заре человеческой истории. Как и любой институт данной стадии эволюции, он обязан был удовлетворять принципу выживания первичного человеческого коллектива. Регламентируя взаимодействия между полами (брак), жесткие взаимные обязательства между индивидами и группами внутри него, родство эффективно консолидировало

социум. С развитием политических отношений лидеры эксплуатируют родственную идеологию для укрепления своей власти. Для этого привлекаются ТР («отец племени», «отец нации», «царь-батюшка» и др.), они же используются для организации иерархии между коллективами (этническими, например) внутри политической системы (старший брат/младший брат).

В современном обществе родство как маркер групповой идентичности играет важную роль в политико-правовых отношениях. Это прежде всего касается государств Востока, в которых вследствие незавершенности процессов социальной индивидуализации коллективные представления продолжают во многом определять общественное сознание. В частности, идеологема «род/клан/племя» выступает в качестве инструмента в конструировании социально-экономических моделей, политической мобилизации, а также в целях укрепления властной «вертикали», являющейся для данных государств становым хребтом государственности. Таким образом, налицо воспроизводство архаических/традиционных культурных моделей, возникших еще в первобытности, которые в условиях практически повсеместного господства ценностей западной политико-правовой культуры на официальном уровне трактуются как «коррупция», «непотизм», «кумовство».

Абдуллаев 2009 — *Абдуллаев К.* От «тирании кузенов» к единению и развитию. URL: http://www.knyazev.org/bibliao/tiran_smits.pdf.

Абдул Кави Юсеф 2010 — *Абдул Кави Юсеф С.М.* «Плата за кровь» в обычном праве племен Йафи (в сопоставлении с горцами Кавказа) // Обычай, символ, власть. М.: Ин-т Африки РАН, 2010.

Баранов 2004 — *Баранов Н.А.* Политические отношения и политический процесс в современной России: курс лекций: в 3-х ч. СПб.: БГТУ, 2004. URL: <http://nicbar.narod.ru/lekziya4.htm>.

Бочаров 2008 — *Бочаров В.В.* Россия: Культура против цивилизации // Социологический диагноз культуры российского общества. СПб., 2008.

В администрации 2010 — В администрации Нижневартовска выявили кумовство и признаки коррупции. URL: <http://www.ura.ru/content/khanti/02-07-2010/news/1052116295.html>

Васильева 1992 — *Васильева Л.* Кремлевские жены. М., 1992.

Виноградова 2000 — *Виноградова Е.* Месть семьи страшнее, чем тюрьма // СПИД-ИНФО. 2000. № 8.

Гусев 2005 — *Гусев Л.* Модернизирующийся трайбализм // АПН. 2005. URL: <http://www.apn.kz/publications/article76.htm>.

Диасамидзе 1974 — *Диасамидзе Г.И.* Убийство на почве кровной мести по советскому уголовному праву (по материалам Аджарской АССР): дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1974.

Елпатьевский 1984 — *Елпатьевский С.Я.* Воспоминания за пятьдесят лет. Уфа, 1984.

Зюков 2009 — *Зюков А.М.* Кровная месть: внеправовой обычай и государственно-правовая политика. Владимир, 2009.

Каганович 2003 — *Каганович Л.М.* Памятные записки // Вагриус. 2003. URL: <http://www.pseudology.org/Kaganovich/index.htm>.

Ковалевский 1886 — *Ковалевский М.М.* Современный обычай и древний закон. СПб., 1886. Т. 2.

Кончаловский 2008 — *Кончаловский А.* «Непотизм» как кадровая политика. URL: http://psak.ru/works/publications/2008/03/20/publications_11.html.

Кулик 1983 — *Кулик С.Ф.* Африка — по следам событий. М., 1983.

Мисюгин, Чернецов 1978 — *Мисюгин В.М., Чернецов С.Б.* «История галла» как этноисторический источник // *Africana*. Африканский этнографический сборник. СПб., 1978. Вып. XI.

Омаров 2007 — *Омаров М.* Трайбализм как зеркало кыргызской политики, или Феномен трайбализма у кыргызов. URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1183410000> (дата обращения: 03.07.2007).

Партия регионов 2010 — Партия регионов поощряет кумовство, если речь идет о «галантливых людях». URL: <http://www.rupor.info/news-politika/2010/06/22/partija-regionov-pooshhrjaet-kumovstvo-esli-rech-i> (дата обращения: 22.06.2010).

Панеш 1995 — *Панеш Э.* Традиции в политической культуре народов Северного Кавказа // Этнические аспекты власти. СПб.: СПбГУ, 1995.

Родственники 2003 — Родственники, свояки и друзья: семья или коллектив? // *Кадры предприятия*. 2003. № 7. URL: <http://www.kaprg.ru/articles/2003/7/479.html>.

Семенов 1974 — *Семенов Ю.И.* Происхождение брака и семьи. М., 1974.

Созаев-Гурьев 2010 — *Созаев-Гурьев Е.* Число кровников сократилось 2010. URL: http://infox.ru/authority/mans/2010/09/14/CHislo_krovnikov_v_C.phtml.

Сото 1995 — *Сото Э. де.* Иной путь. Невидимая революция в третьем мире. М.: Catallaxy, 1995.

Сусоколов 2006 — *Сусоколов А.А.* Культура и обмен. Введение в экономическую антропологию. М.: Русская панорама, 2006.

Харрис-Уайт 1999 — *Харрис-Уайт Б.* Государственное регулирование и неформальный экономический порядок в Южной Азии // *Неформальная экономика. Россия и мир*. М.: Логос, 1999.

Чоршанбиев 2010 — *Чоршанбиев П.* В Центральной Азии родственные связи всегда использовались, и будут использоваться // *Азия плюс*. 2010. 15 апреля.